

Евгений Гончаров

МАНЬЧЖУРСКИЙ КЛИН

повесть-антиутопия

Евгений Гончаров
Маньчжурский клин.
Повесть-антиутопия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23141307
ISBN 9785448381454*

Аннотация

Хотели бы мы того или нет, но вопрос будущего российско-китайских отношений нас волнует. Каким оно будет это будущее? Политики и экономисты делают свои долгосрочные прогнозы, журналисты видят все в черном или в белом цвете, а литераторы, как им и положено, моделируют ситуации. Повесть-антиутопия «Маньчжурский клин», ни на что не претендуя, призывает читателя просто включить мозги.

Содержание

Духовные скрепы	5
Канцелярские скрепки	10
Шагреновая кожа	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Маньчжурский клин

Повесть-антиутопия

Евгений Гончаров

Того, кто не задумывается о далеких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности.

Кун-цзы

© Евгений Гончаров, 2017

ISBN 978-5-4483-8145-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Духовные скрепы

Иван Курочкин, тридцати лет от роду, жил в Благовещенске. Наш герой был непризнанным писателем. Чтобы как-то выживать, он подрабатывал грузчиком на китайской плодово-овощной базе «Дружба». Таская коробки с яблоками и грушами, сетки с морковкой, луком и капустой, Иван был далек от сирой опостылевшей действительности – в уме он творил. Но его романы никто не публиковал, и потому писал он в стол (с наступлением эры компьютеров, когда тексты стали набираться на клавиатуре и храниться на цифровых носителях, выражение утратило свою изначальную сущность: писать или печатать на бумаге и складывать рукописи в ящик письменного стола).

Если литературное произведение не издано, это вовсе не означает, что оно плохое и неинтересное. За примерами далеко ходить не надо – взять того же Михаила Булгакова. «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце» дошли до читателя лишь спустя длительное время после смерти автора. Эти произведения не увидели света при жизни автора потому, что он шел не в ногу со строем советских писателей. Но где они все сейчас, баяны коллективизации и индустриализации, сталинские соловьи и прочие жополизы власти – их собрания сочинений сданы в макулатуру. А гонимый Булгаков находится на олимпе российской литературы – его книги

переиздаются огромными тиражами.

Но Иван был тщеславен – признания и денег ему хотелось при жизни.

Иван недолюбливал китайцев, хотя и не был шовинистом. О каком превосходстве русских над китайцами можно говорить, когда те создали первую в мире экономику, идут во главе научно-технического прогресса и лидируют в спорте, а мы прочно обосновались в лагере слаборазвитых стран. А красивые китайские девушки ему даже нравились. Как и китайские вещи. Курочкин не любил китайцев, как и все бедняки, ненавидящие богачей.

Услышав по ящику выступление министра литературы, в котором тот призывал художников слова создавать исторические полотна с патриотическим уклоном, обещая за такие произведения государственные премии, Иван загорелся возможностью поправить свои финансовые дела. Кому же еще как не ему – коренному жителю Благовещенска, где происходили многие знаковые события истории русско-китайских отношений, писать на эту тему.

Иван родился, можно сказать, на месте боевой славы города. Родильный дом, где его произвела на свет мама, размещался в трехэтажном красного кирпича здании дореволюционной постройки, стоящем на берегу Амура.

Из окон этого дома открывается вид на противоположный берег Амура, где дымил печными трубами маньчжурский городок Сахалян, откуда в июле 1900 года китайцы ве-

ли ружейный и пушечный обстрел Благовещенска. Под стенами здания был вырыт ложемент (стрелковый окоп) одного из участков береговой обороны, из него благовещенские дружинники вели по китайцам ответный ружейный огонь. На фасаде роддома, если хорошо присмотреться, видна заштукатуренная выбоина от разрыва китайской гранаты (устаревшее название осколочного снаряда).

Этот берег, тогда еще дикий, глазами изумленного даура видел проплывавшие вниз по Амуру дощаники с лихими ватагами Василия Пояркова и Ерофея Хабарова. В трех километрах западней Благовещенска стоит памятный знак в честь подписания российско-китайского Айгунского договора – на этом месте была походная палатка генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Муравьева. Еще три километра вдоль Амура на запад, и будет село Верхне-Благовещенское – бывшая казачья станица. На востоке от Благовещенска – за рекой Зея – начинаются места, известные в истории российско-китайских отношений как «маньчжурский клин».

Короче, как ни крути и каким боком ни поставь, Курочкин родился и вырос в самом что ни есть историческом месте.

Иван осмотрел экспозиции областного краеведческого музея с подлинными экспонатами тех времен, посидел в отделе архивных документов городской библиотеки и сел писать исторический роман «Битва за Амур» – панорамную

картину освоения русскими дальневосточных земель.

При написании своего романа Курочкин избегал натуралистических подробностей, и в итоге сильно приукрасил русских колонизаторов Приамурья. Да и самого слова «колонизация» он старался не употреблять, заменяя его на более, как ему казалось, благозвучные «заселение» и «освоение».

Герои его романа, которые русские, вышли приторно-сладкими – они не грабили и не убивали инородцев, не насиловали их баб, пили только хлебный квас и пели песню «Ой, мороз, мороз, не морозь меня». Которые антигерои, т. е. маньчжуры и китайцы, были жестокими, коварными и трусливыми, они облагали аборигенов непомерной данью и спаивали их ханьшином (китайский самогон).

Иван аппендицитом понимал, чего не хочет и что желает увидеть в произведении, заявленном на грант или выдвинутом на премию, распределитель бюджетных денег в лице министерства литературы.

Рукопись написанного романа Курочкин послал по электронной почте – веером сразу в несколько московских издательств. По прошлому опыту, он даже не надеялся на ответ – столичным издателям было достаточно и своих кассовых авторов, а читать вирши графомана из захолустья там никто не собирался.

В советское время, потом так охаянное за цензуру и зажим талантов, непринятые к публикации рукописи возвращались авторам со стандартной припиской: «Уважаемый та-

кой-то! Благодарим Вас за внимание, проявленное к нашему журналу! К сожалению, ваш рассказ (повесть, роман) не может быть опубликован по причине недостаточного литературного уровня (банальности сюжета, неактуальности темы). Всего Вам доброго!»

Сейчас, при полной творческой свободе, на сайтах всех редакций и издательств сообщается: «Мы не даем рецензий на присланные произведения, не объясняем причины отказа в публикации и не вступаем в переписку с авторами».

И что же хуже – притворная вежливость советских редакций или откровенное хамство сегодняшних издателей? По моему, хуже все-таки второе.

К своему немалому удивлению, уже на следующий день Иван получил приглашение на персональное собеседование в издательство «Москов&я». Он бросил свою работу на плодбазе и, окрыленный надеждой, поехал в Москву.

Канцелярские скрепки

Неделя в плацкартном вагоне, если кто не знает, это семь кругов железнодорожного ада со всеми его обязательными атрибутами – неработающими кондиционерами, мокрыми от пота простынями, пьяными попутчиками, закрытыми туалетами, вагонными офенями, клофелинщиками и душком байкальского омуля.

Пейзажи за окном вагона угнетают своим однообразием. Вокзалы, помнящие гудки паровозов Путиловского завода, деревянные пакгаузы времен первостроителей, серые покосившиеся избенки деревень да бесконечные сосновые и березовые перелески, перемежаемые заброшенными пашнями с бурьяном и кустарником. Так можно проехать километр, пятый, десятый, и не встретить ни человека, ни зверя – словно мор прошел по этой богом забытой земле.

Но вот что бросается на Транссибе в глаза даже самому невнимательному наблюдателю. Очень много китайских пассажиров – они едут в обе стороны на малые и дальние расстояния. Совсем близко от стальной магистрали бурлит какая-то жизнь, непохожая на сонную оторопь вдоль ее колеи. Доносится рычание дизелей тяжелой техники, твердь земную сотрясают удары сваебоек, в темноте ночи видны лучи прожекторов и отблески электросварки. Что там строят китайцы? Судя по протяженности на тысячи километров, что-

то грандиозное – воспетый в советских песнях БАМ и рядом не стоял.

Издательство «Москов&я» арендовало офис в стоэтажном небоскребе бизнес-центра ¥ 100, построенном на месте старого ипподрома. Шутники язвили, что барышнический дух тотализатора, переселился сюда с трибуны и конюшни ипподрома.

Оно и верно, издательское дело очень напоминает тотализатор на конных бегах. Угадать, какая лошадь финиширует первой, и поставить на нее, значит, сорвать куш. Но как разберешься среди жеребцов и кобыл, кто из них быстрее всех прибежит к призовому столбу, а кто будет дышать пылью из-под копыт фаворита. Найти среди сивых меринов литературы своего Холстомера, который возьмет для него призы всех скачек, заветная мечта каждого книгоиздателя.

В фойе бизнес-центра Курочкин прошел контроль на наличие запрещенных к проносу предметов: огнестрельного, газового и холодного оружия, взрывчатых, горючих и отравляющих веществ, снимающей, записывающей и передающей аппаратуры. У него были изъяты и помещены на временное хранение в ячейку айфон, складной швейцарский ножичек и, почему-то, спрей от насморка.

Вам я говорю, сторожа идеологических ценностей, даром вы едите хлеб своих господ. Как телохранители, вы не защитите хозяев от морального убийства. Как специалисты фейс-контроля и дресскода, вы судите о человеке по его внешнему

виду, но не можете заглянуть ему в душу. Как таможенные досмотрщики, вы не знаете, что самая опасная контрабанда проносится не в чемоданах, а в мозгах.

Иван предъявил охраннику паспорт и назвал цель своего посещения, после чего был идентифицирован и пропущен к скоростным лифтам.

Вознесшись на 66-й этаж, он оказался в самом большом в России издательстве художественной литературы «Москов&я», контрольный пакет акций которого, о чем знали лишь немногие посвященные, принадлежал все тем же китайцам.

В приемной шеф-редактора сидела секретарша – девица неопределенного возраста, накаченная силиконом и обколотая ботоксом. На ее высокой груди был бейджик с надписью: «Екатерина, секретарь-референт».

Куручкин представился и сел на указанный ему стул в ожидании приема. Перед тем как присесть, он достал из пакета и поставил на стол секретарше два одноразовых контейнера – с красной лососевой икрой и с янтарным цветочным медом.

– Что это? – удивилась вечно молодая Екатерина.

– Экологически чистые продукты с Амура, – объяснил Иван.

Иван соврал – мед и икру он купил у китайцев на продуктовом базарчике возле Ярославского вокзала.

– А правда, что у вас в Биробиджане рубли не принимают и все говорят по-китайски? – поинтересовалась та.

– Так оно и есть, – не стал разубеждать ее Курочкин, поскольку все это было недалеко от истины. И какая разница для Москвы – Благовещенск или Биробиджан.

Стоит заметить, что москвичи, не знающие географию российских окраин, вовсе не считают их обитателей россиянами второго сорта. И когда диктор федерального телеканала говорит, что космодром Восточный находится в Хабаровском крае, а город Амурск – в Амурской области, он это не из-за столичного чванства. Столь же естественно москвич, живущий в Хамовниках, может перепутать районы Митино и Силино.

Да и сколько их там, москвичей хотя бы в третьем поколении. Две трети московских жителей – из всяких понаехавших. Когда-то это были лимитчики, за ними – торговцы фундуком и дынями, потом – десанты чиновников ельцинского и путинского призывов и, наконец, накатил девятый вал китайцев.

Скажите, Печатники

Сокол, ответь:

Давно ль по-китайски

Вы начали петь?

– Мне сладкое и соленое нельзя – я на диете, – призналась Екатерина, пряча под столом икру и мед. – Может, собака будет есть.

Иван вспомнил, что обратный путь ему предстоит полу-

голодный – денег хватало лишь на место в жестком вагоне, и еще какая-то мелочь оставалась на пропитание в дороге. В желудке у него засосало.

Шеф-редактор Артур Пузырев занимал кабинет №666. Число дьявола могло бы привести в мистический ужас каждого православного, католика или протестанта, но Курочкин не верил ни в бога ни в черта и суевериями не страдал.

Хозяин кабинета приветствовал посетителя кивком головы.

– Ну-с, приступим, – сказал он. – Time is money.

Пока неискушенный в деловых переговорах проситель что-то невнятно мычал, последовал вопрос:

– Чего это вам взбрело в голову писать о присоединении Амура?

– Историко-патриотическая тема сейчас в тренде – за такие произведения министерство литературы денежные премии дает, – обрел дар речи Курочкин. И, грустно вздохнув, добавил: – А деньги мне сейчас край как нужны.

– Деньги всегда и всем нужны, – оживился Пузырев и тут же без паузы предложил: – Вы согласны заплатить мне за продвижение вашего романа в печать?

– Сколько? – на всякий случай уточнил Иван.

– 25 000 юаней, – озвучил цену своей услуги Пузырев.

– После публикации?

– Деньги вперед.

– А какие ваши гарантии?

– Гарантии дают только страховые компании, и то их не выполняют.

– У меня нет денег, – развел руками Курочкин.

– Возьмите займы под залог своей квартиры.

– Уже заложена и перезаложена.

Шеф-редактор потерял интерес к разговору.

– Ваш роман будет рассмотрен на общих основаниях. Ответ вы получите по электронной почте.

– Как долго мне ждать вашего решения?

– Не раньше, чем через полгода, – ответил Пузырев и опять удостоил Курочкина кивка головы.

– Но, в моем романе содержатся идея российской державности и духовные скрепы русского народа, – начал было благовещенский писатель.

– А у меня – бизнес-план и канцелярские скрепки, – оборвал его московский издатель. И уже в микрофон на столе: – Катюша, впустите следующего.

На этом прием и закончился. Пятиминутный разговор с шеф-редактором издательства «Москов&я» свелся к тому, что за продвижение романа в печать надо дать банальную взятку. Но даже не это взмутило Ивана.

Черт с ним, коль у них, в Москве, такие блядские порядки. Нельзя было сказать то же самое открытым текстом по телефону?! Курочкин бы и не поехал в такую даль, чтобы поцеловать дверной пробой. Прослушки ГКБК (Государственный комитет по борьбе с коррупцией) он боится.

Сучий потрох этот Пузырев!

Шагреновая кожа

Россия – некогда великая держава, распростертая от Балтики до Камчатки – скукожилась, как шагреновая кожа.

Китай, дотянувшийся своими экономическими щупальцами до Уральского хребта, вывозит из России полуфабрикаты и сырье, а ввозит грязные производства, заодно решая свои проблемы с безработицей и перенаселением.

Урал и Кузбасс дымят трубами металлургических комбинатов – прокат везут в Китай. Енисейская тайга – лесосека Китая. Алтай – хлебная нива Китая. Забайкалье – пастбище мясного скота для Китая. Вода из Байкала перекачивается по трубам в Китай. Трубы газо- и нефтепроводов тянутся от сибирских месторождений к границе с Китаем. Через Амур шагают опоры ЛЭП-50 000, по которым электроэнергия дальневосточных ТЭС и ГЭС поступает в Китай. Уссурийские тигры и те ушли в Китай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.